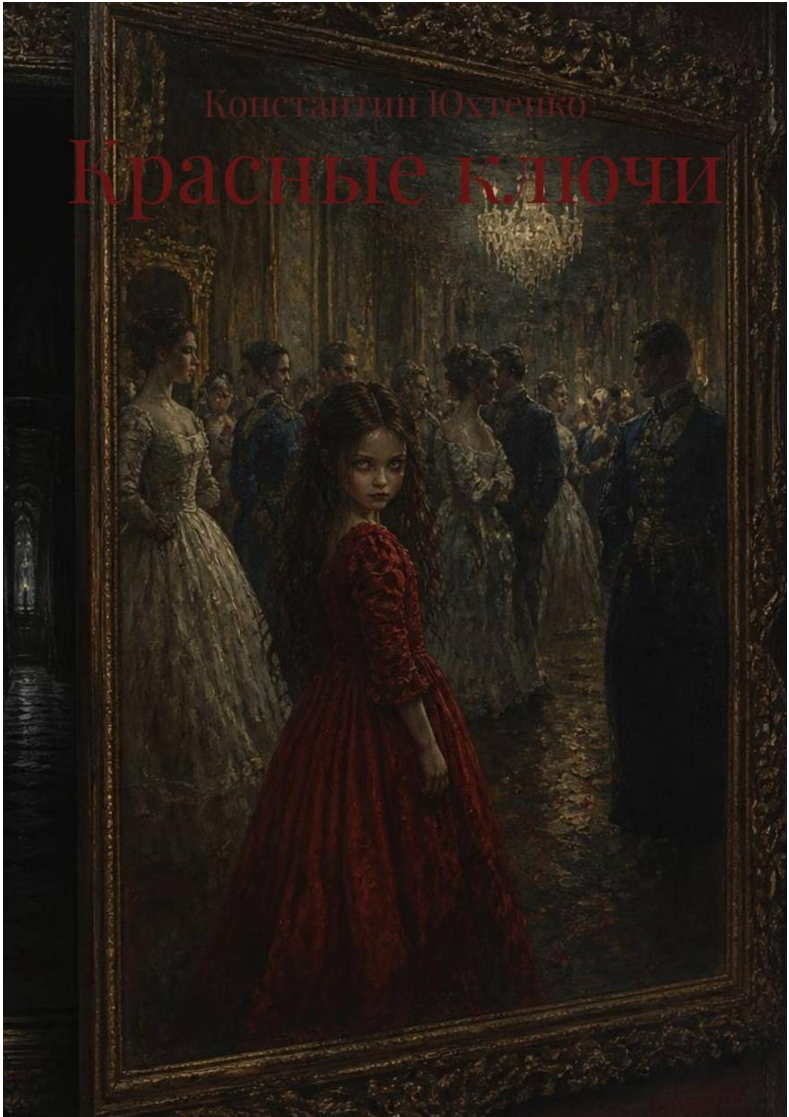

Константин Юхтенко
Красные ключи

Константин Юхтенко
Красные ключи

https://litres.ru/74880504
SelfPub; 2026

Аннотация

Мне приснилась эта книга.

Приснился собор — большой, как пещера, с тёмными сводами, в которых тонет свет свечей. Внутри стояла девочка в красном платье. Звали её Алиса. Рядом были мама, папа и брат Матвей.

А ещё в соборе стояли люди. Они молча смотрели на Алису и ждали. Они ничего не торопили и ничего не боялись — потому что знали: всё уже учтено. Каждый шаг. Каждая свеча. Каждая ошибка.

Проснулся — и записал. Так получилась эта история о семье, которая приехала на выходные в усадьбу, где слишком тихо, слишком чисто и слишком внимательно ждут гостей.

«Красные Ключи» — мистический хоррор о том, что бывает, когда тебя выбрали заранее.

Содержание

Пролог. 1925 4
Глава первая. Лось 10
Глава вторая. Ужин 19
Глава третья. Малая гостиная 29
Глава четвёртая. Смотритель 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Константин Юхтенко
Красные ключи

Пролог. 1925

Метель началась к вечеру, и к десяти усадьба уже тонула в ней по самые окна.

Аделаида Соколова шла по коридору со свечой в руке. Платье её — когда-то белое, из Парижа, с бисером по подолу — теперь было серым и пахло керосином. В зале было холодно. В зале всегда было холодно с той зимы, когда в столовой поставили буржуйку, а в гостиной сняли люстру, чтобы не искушала.

За ней, держась за её юбку, шла Полина. Девять лет. Дочь кухарки, которая месяц назад куда-то исчезла, а Полина осталась — тихая, с красной лентой в волосах, которую ей, видимо, дали, чтобы она не снимала.

— Тише, — сказала Аделаида. — Тише, милая.

Она знала дорогу. Она знала её двадцать лет: за картиной в малой гостиной — дверь, за дверью — коридор, выложенный ещё при её свекре, и он выводит в подвал, а из подвала — на задний двор, к конюшне. Ключ она украла утром. Ключ был тёплый, потому что она держала его в кулаке с самого обеда.

Она не была храброй женщиной. Она была женщиной, которая слишком долго устраивала приёмы и улыбалась людям, которых потом находили в пруду. В Петербурге её салон называли блестящим. На её вечерах читали стихи, спорили о Блоке, пили шампанское из тонкого стекла. Потом пришли другие времена, и те же люди стали приходить к её мужу — в чёрном, молча, по четвергам.

Аделаида не спрашивала, что происходит по четвергам. Она спрашивала себя, почему после каждого четверга в усадьбе становится тише.

А потом она нашла список.

Он лежал в конторке, между счетами за дрова и за керосин, и в нём были имена. Женские имена. Девочки. Восемь имён за восемь четвергов, и напротив каждого — короткая пометка рукой мужа, ровной, как по линейке: «принята».

Девятая строка была пустой.

Аделаида поняла, для кого она оставлена, когда Полину привели в дом и дали ей красную ленту.

Картина висела в малой гостиной, как висела всегда: огромная, в тяжёлой раме, тёмная от времени. «Светский приём». Написана была в те годы, когда в усадьбе ещё танцевали. Дамы в белом и голубом, господа во фраках, свечи в канделябрах, и посередине — девочка.

Девочка в красном платье.

Она всегда стояла посередине. Аделаида помнила её с детства — и помнила, что лицо у неё было другое. Маленькое,

остренькое, с поджатыми губами. Года три назад она подошла ближе и увидела, что у девочки лицо Вареньки, дочки садовника, которую весной нашли в колодце. Аделаида тогда сказала себе, что это нервы, что это тени, что она просто устала.

Она взяла Полину за руку и подошла к картине.

— Смотри, — прошептала она. — Видишь девочку? Это не девочка. Это… — Она запнулась. — Это просто краска. Поняла? Просто краска. А мы сейчас уйдём. Мы уйдём, и никто нас не найдёт.

Полина посмотрела на неё снизу вверх. Глаза у неё были совершенно спокойные.

— А мне сказали, — сказала она, — что я буду на картинке.

Аделаида не успела ответить.

Дверь за картиной открылась сама.

Из темноты коридора пахнуло сыростью и ладаном. И вышел муж.

Граф Аркадий Львович Соколов был в чёрном сюртуке, и лицо у него было белое — не бледное, а именно белое, как камень, как гипс, как надгробие в феврале. Сморщенное, но, Боже, какое красивое. Правильные черты, высокий лоб, породистый нос. Дамы в Петербурге говорили, что он похож на римлянина. Он и теперь был похож на римлянина, которого забыли похоронить.

— Ада, — сказал он мягко. — Ты же знаешь, что ключ

не поможет.

— Аркадий.

— Ты же знаешь, — повторил он. — Она уже согласилась. Ей показали картинку. Ты думаешь, ей страшно? Ей не страшно. Ей обещали, что она будет на картинке всегда. Дети хотят, чтобы их запомнили.

Полина отпустила юбку Аделаиды и сделала шаг вперёд. Один шаг. Маленький.

— Полиночка, стой, — сказала Аделаида.

Девочка не остановилась.

Тогда Аделаида схватила её за плечи, толкнула в открытую дверь коридора и захлопнула её. Замок щёлкнул — старый, ещё свекров, но щёлкнул. Она повернула ключ. И прижалась к двери спиной.

— Беги, — сказала она в дверь. — Беги, милая. Через подвал. Там конюшня. Беги.

За дверью было тихо. Потом — шаги. Маленькие, быстрые, удаляющиеся.

Аделаида выдохнула и посмотрела на мужа.

Он не двигался. Он смотрел на неё с выражением, которое она видела у него на приёмах, когда гость говорил пошлость: снисходительно и скучающе.

— Она не убежит, — сказал он. — Там внизу братья. Они как раз вышли покурить.

Аделаида держала ключ в руке.

— Тогда зачем всё это? — спросила она. — Зачем чет-

верги? Зачем список? Аркадий, что ты делаешь?

Он подошёл к ней. Он не торопился. Он никогда не торопился.

— Я не делаю, — сказал он. — Я сохраняю. Тебе не понять, ты женщина. Ты думаешь, что смерть — это конец. А смерть — это просто дверь, Ада. И она открывается с той стороны, если у тебя есть ключик. У нас есть ключик. Каждые сто один год. Мы не убиваем, мы платим по счёту. Так платили до нас, и до них, и до них, ещё когда здесь стояли не дома, а капища. Мы только переложили старые песни на церковный лад, чтобы не пугать гостей. Хочешь, я спою?

— Ты сумасшедший.

— Я живой, — сказал он. — А ты — пока нет.

Он взял её за горло двумя пальцами. Не сжал — просто взял, как берут за воротник.

Аделаида не сопротивлялась. Она смотрела мимо него, на картину.

И картина менялась.

Девочка в красном платье повернула голову. Медленно, как поворачивают голову во сне. И теперь смотрела не в зал, а на неё, на Аделаиду. Лицо у девочки было Полинино.

— Вот видишь, — сказал граф. — Она уже там. А ты говорила — убежит.

Аделаида хотела сказать что-то ещё. Что-нибудь важное. Но сказать было уже нечем.

Последнее, что она увидела, было её собственное лицо на

картине: она стояла среди гостей, в белом платье из Парижа, и улыбалась, и не было в этом лице ничего, кроме вежливости.

Глава первая. Лось

Дорога была мокрая и блестела, как чешуя.

Константин Игоревич вёл машину молча и с той сосредоточенностью, с какой юристы ведут не машину, а переговоры. Дворники работали на второй скорости. За окном летело что-то среднее между дождём и первым снегом — ноябрь в Ленинградской области умеет быть убедительным.

— Ты прочитал все четырнадцать страниц? — спросила Екатерина Андреевна, не поднимая глаз от телефона.

— Одиннадцать.

— Костя.

— Что «Костя»? Одиннадцать содержательных. Остальное — приложение с фотографиями усадьбы и схемой проезда.

— И что там?

— Там написано, что мы имеем право находиться на территории, — сказал он. — Что фонд имеет право нас фотографировать. Что мы согласны на «участие в мероприятиях культурно-просветительского характера». И что фонд не несёт ответственности за «индивидуальные особенности восприятия».

— Что это значит?

— Это значит, что если тебе там что-нибудь померещится, — он поднял палец, — они не виноваты.

— Господи, Костя. Это же просто выходные. Фонд, меценаты, восстановленное имение. Мне на работе сказали, что это удача.

— Удача, — согласился он. — Именно это слово я и подчеркнул.

На заднем сиденье Матвей слушал музыку в наушниках и смотрел в окно с выражением человека, которого вывезли из дома против его воли. Одиннадцать лет, стрижка под ноль, на костяшках — свежие мозоли от самбо. Он был на той стадии взросления, когда всё, что говорят родители, делится на «скучно» и «очень скучно».

Алиса сидела рядом и играла.

Игра была такая: она смотрела на дорогу и загадывала. Если следующая машина будет красная — будет мороженое. Если следующая будет красная — папа не будет сердиться. Если следующая будет красная — всё будет хорошо.

Красная проехала навстречу почти сразу. Старая, ржавая, с наклейкой на бампере.

— Есть, — сказала Алиса.

— Ты так каждый раз, — не открывая глаз, сказал Матвей. — Это не работает.

— Работает.

— Это совпадение.

— Матвей, — сказала мать, — не начинай.

— Я не начинаю. Я объясняю. Это вероятность. Машины ездят, мы их видим, примерно каждая десятая — красная.

Она просто ждёт.

— Я не жду, — сказала Алиса спокойно. — Я загадываю, и оно приезжает.

— А если я загадаю, что сейчас будет синяя?

— Не будет.

— Почему?

— Потому что ты загадал назло.

Екатерина Андреевна улыбнулась в телефон. Константин Игоревич хмыкнул. Дорога шла дальше, между елей, мокрая и пустая.

Это была хорошая минута. Потом они вспоминали её часто — всей семьёй, ночью, когда никто не мог заснуть. Просто дорогу, дождь, спор про красную машину. Никто тогда не знал, что это последняя минута, когда всё было на своих местах.

Лось вышел из леса на повороте.

Константин Игоревич ударил по тормозам. Машину повело, ремень врезался в грудь, сумка с заднего сиденья упала на пол. Наушники Матвея слетели.

Лось стоял посреди дороги.

Огромный. Тёмный, почти чёрный от воды, с тяжело провисшей головой и рогами, похожими на сухие ветки. Он не испугался. Он вообще не смотрел на машину — он смотрел в боковое окно. Прямо на Алису.

Секунду. Две. Три.

— Мама, — сказала Алиса очень тихо. — Он меня видит.

— Не шевелись, — сказал Константин Игоревич. — Не шевелитесь.

Лось сделал шаг. Асфальт под копытом хлюпнул. И тогда он повернулся — медленно, как поворачиваются во сне — и ушёл обратно в лес. Без спешки. Без страха. Так уходят хозяева, которые зашли проверить, всё ли на месте.

Тишина в машине была вязкая.

— Охренеть, — сказал Матвей.

— Матвей.

— Что? Я испугался!

— Он нас ждал, — сказала Алиса.

— Он просто тупой, — сказал Матвей. — Они тупые. У них мозг размером с грецкий орех.

— Он смотрел на меня, — сказала Алиса. — Он знал, что я в машине.

Константин Игоревич завёл двигатель. Руки у него дрожали, и он делал вид, что нет.

— Лоси выходят на дорогу, — сказал он ровно. — Это статистика. Их в области тысячи. Мы просто попали.

— Удача, — сказала Екатерина Андреевна.

— Надо было газануть и сбить его, — задорно сказал Матвей.

— Не надо было. Он бы машину разнёс. Иногда сила — худший советчик.

Матвей только недовольно хмыкнул в ответ. На лице Алисы появилось выражение, как будто она хотела что-то ска-

зать, но передумала.

До усадьбы оставалось шесть километров. Дорога свернула в лес, пошла между сосен, и вскоре между деревьями показались ворота: чугунные, кованые, с гербом — птица, держащая в лапах ключ.

Ворота были открыты.

За ними — аллея, липы, аккуратно подстриженные кусты. И дом. Большой, двухэтажный, с колоннами и мезонином, с окнами, в которых горел тёплый свет. Он был слишком хорош. Так бывает с отреставрированными усадьбами: глазу не за что зацепиться, всё правильно, всё на месте — и от этой правильности немного не по себе, как от рукопожатия, которое держат чуть дольше, чем нужно.

На крыльце их уже ждали. Женщина в пальто, лет сорока, с планшетом и той профессиональной улыбкой, которую выдают в управляющих компаниях вместе с ключами.

— Верещагины? — крикнула она, спускаясь навстречу. — Константин Игоревич, Екатерина Андреевна! Какая удача, что вы доехали в такую погоду!

— Удача, — сказал Константин Игоревич и вышел из машины.

Алиса вышла из машины последней.

Матвей уже стоял рядом, вытянувшись, как учили в секции: ноги на ширине плеч, плечи развёрнуты. Он всегда так делал на новом месте. Алиса смотрела на второе окно слева на втором этаже.

Там было темно. И в темноте кто-то стоял.

Маленький. В красном.

— Мам, — сказала Алиса. — А кто эта девочка?

Екатерина Андреевна обернулась.

— Какая девочка?

— Вон там. В окне. — Алиса подняла руку. — Она мне рукой махнула.

Все посмотрели наверх. Второе окно слева было тёмным и пустым. За стеклом висела тюлевая занавеска и ничего больше.

— Показалось, — сказала женщина с планшетом слишком быстро. — У нас дом старый, в окнах отражения. Дети часто видят… — она запнулась, — …всякое.

— Пойдём, — сказала Екатерина Андреевна и взяла дочь за руку. — Пойдём, солнышко.

Алиса пошла. У самого крыльца она обернулась.

Окно было пустым. Но занавеска в нём чуть покачивалась — так, как качается, когда за неё только что держались рукой.

Дом встретил их запахом воска и лимона.

Так пахнут места, где убирают слишком тщательно, — лимонным средством, полиролью для дерева и чем-то ещё, что должно маскировать запах старости, но не маскирует. Константин Игоревич, переступая порог, машинально отметил: полы натёрты, но в углу у лестницы паркет всё равно скрипнул. Значит, натирали недавно и наспех. Значит, к их при-

езду готовились.

— Проходите, проходите! — Вера Николаевна шла впереди, и каблуки её стучали по паркету с той уверенностью, с какой стучат каблуки людей, которым здесь всё можно. — Сейчас разместим вас, потом ужин. У нас сегодня скромно, по-домашнему, но, я надеюсь, вам понравится.

«По-домашнему» в её исполнении означало столовую на двенадцать персон, три канделябра и посуду с гербом.

Матвей тащил сумку и озирался. Озирался он так, как озираются одиннадцатилетние мальчики в местах, где слишком много старинного: с вызовом, будто готовясь в любой момент сказать «ну и что тут такого». Алиса шла рядом с матерью и держала её за руку. Не потому, что боялась. Потому что так было удобнее смотреть по сторонам.

Лестница на второй этаж была широкая, с перилами из тёмного дуба. На стене — портреты. Константин Игоревич приостановился.

— Это всё Соколовы? — спросил он.

— Да, — сказала Вера Николаевна. — Наша гордость. Мы нашли их в архивах, часть — в запасниках музеев. Реставрировали. Вот это, — она показала на портрет мужчины в чёрном сюртуке, — граф Аркадий Львович Соколов. Последний владелец усадьбы. Погиб в двадцать пятом.

— Погиб?

— Пропал. — Она поправилась без запинки. — В те годы многие пропадали. Революция, разруха. Усадьба потом сто-

яла заброшенной, пока фонд не взялся за восстановление.

Константин Игоревич посмотрел на портрет внимательнее.

Граф был красив той красотой, которая не стареет и не портится, а просто становится музейной. Высокий лоб, породистый нос, тонкие губы. Сморщенное лицо — он был написан уже старым, — но при этом правильное, как будто скульптор лепил его с расчётом, что через сто лет на него будут смотреть и говорить «ах, какой аристократ».

— А глаза у него, — сказал Константин Игоревич, — как у живого.

— Хороший художник, — сказала Вера Николаевна. — Пойдёмте, ваши комнаты наверху.

Комнаты оказались смежными.

Родителям — большая, с окнами на парк. Матвею — «как взрослому», отдельная, с письменным столом и книжным шкафом, в котором стояли корешки, явно купленные оптом: «История края», «Русская усадьба», «Живопись Серебряного века». Он открыл один, полистал, закрыл.

— Скучно, — сказал он.

— Матвей, — сказала мать.

— Что? Я сказал правду. Тут даже телевизора нет.

— Тут музей, — сказал отец, ставя сумку. — В музеях не смотрят телевизор.

— А что тут делают?

— Смотрят на вещи и думают, как они жили.

Матвей посмотрел на него с сомнением.

Алисе досталась комната рядом с малой гостиной. Маленькая, с балдахином, с кроватью, которая была ей велика, и с окном, выходящим на лес. Вера Николаевна сказала, что это «лучшая детская» и что здесь раньше жила дочка управляющего.

— А где она сейчас? — спросила Алиса.

Вера Николаевна улыбнулась.

— Выросла, — сказала она. — Все вырастают.

Глава вторая. Ужин

Ужин был в семь.

Стол накрыли в малой столовой — не той, парадной, а поменьше, «по-домашнему». Свечи зажгли заранее, и воск уже начал оплывать, и от этого в комнате пахло не только лимоном, но и сладким дымом.

Кроме Веры Николаевны, за столом сидели ещё двое.

Первый — мужчина лет пятидесяти, в тёмном свитере, с бородкой и очками. Тихий голос, медленные движения. Его представили как Игоря Львовича, «нашего историка и хранителя». Он встал и пожал всем руки. Когда он пожал руку Матвею, мальчик отдёрнул пальцы и потом шепнул Алисе: «Как из холодильника».

Второй — молодой человек, лет двадцати пяти, в рубашке и жилете, с блокнотом. Антон, «помощник по мероприятиям». Он всё время что-то записывал и улыбался так, будто ему сказали улыбаться до конца вечера.

Константин Игоревич отметил это — привычка юриста, который двадцать лет смотрит не на слова, а на действия.

— У вас прекрасный дом, — сказала Екатерина Андреевна, когда все сели.

— Это не наш дом, — улыбнулась Вера Николаевна. — Это дом фонда. Мы его восстанавливаем. Восемь лет работы. Сейчас здесь музей, гостевые комнаты, конференц-зал.

И, конечно, мы проводим мероприятия для детей.

— Какие мероприятия? — спросил Матвей, налегая на котлету.

— Разные. История края. Ремёсла. Иногда — театральные постановки. У нас есть зал, где мы устраиваем спектакли.

— А вы сами играете? — спросила Алиса.

Вера Николаевна посмотрела на неё внимательно. Не как на ребёнка — как на что-то, что нужно рассмотреть. Константин Игоревич заметил этот взгляд и отложил вилку.

— Иногда, — сказала Вера Николаевна. — У нас есть костюмы. Есть красное платье. Очень красивое.

Алиса перестала жевать.

— Красное? — переспросила Екатерина Андреевна.

— Да. Историческое. По картине восстановили. У нас в малой гостиной висит картина — «Светский приём». Там девочка в красном. Мы её называем «наша девочка». Реставраторы говорят, она сама себя переписала — это когда краска так ложится, что лицо как бы…

— Плывёт, — сказал Константин Игоревич.

— Именно. Вы разбираетесь в живописи?

— Я разбираюсь в подлогах. — Он улыбнулся, чтобы это не звучало грубо. — Профессия.

Игорь Львович поднял глаза от тарелки.

— Подлогах? — переспросил он тихо. — Это интересно. А вы бы смогли отличить подделку от оригинала?

— Иногда. Если знать, куда смотреть.

— И куда же?

— В глаза. — Константин Игоревич отрезал кусок мяса. — Подделывают всё, кроме глаз. Глаза всегда выдают. У копииста рука дрожит, он старается, а у оригинала — просто взгляд. Живой. Или мёртвый. Но свой.

За столом стало тихо.

Потом Вера Николаевна сказала:

— Ну, у нас всё настоящее. Мы за этим следим.

И улыбнулась.

Константин Игоревич посмотрел на неё. Улыбка была правильная. Слишком правильная. Как лицо без единой морщины.

Дальше говорили о дороге, о погоде, о том, что ноябрь в этом году тёплый. Игорь Львович рассказывал про то, как восстанавливали паркет, и про то, что под слоем краски нашли старую роспись. Антон записывал. Вера Николаевна подливала чай.

А потом Матвей сказал:

— Я самбист.

Он сказал это неожиданно, посреди разговора про роспись, и все обернулись к нему.

— Я самбист, — повторил он. — Я могу любого уложить. Нас учат. У нас в секции есть дядя Олег, он говорит, что если уложить правильно, то человек…

— Матвей, — сказала мать.

— Что? Это правда.

— Ты хвастаешься, — сказал отец.

— Я не хвастаюсь. Я говорю факт.

Константин Игоревич поставил вилку. Он не выглядел сердитым. Он выглядел так, как выглядел всегда, когда собирался сказать что-то важное и хотел, чтобы это запомнили.

— Матвей, — сказал он. — Ты знаешь, что главное в жизни?

— Сила?

— Нет. — Отец вытер рот салфеткой. — Главное — это понять, где у зла слабое место. Вот представь: стоит злой человек. Сильный. С ножом. Ты его уложишь?

— Уложу.

— Хорошо. А теперь представь: вас трое. А их семеро. Ты семерых уложишь?

— Ну… — Матвей задумался. — Если они по одному…

— Они не по одному, — сказал отец. — Они вместе. Они всегда вместе. Они семья, клан, секта, не важно. Они держатся друг за друга. И знаешь, что их убьёт?

— Что?

— Ошибка. — Отец сказал это очень просто, как про погоду. — Им не нужен герой. Герой их только разозлит. Им нужна маленькая ошибка. Один раз кто-то посмотрит не туда. Один раз кто-то уронит свечку. Один раз кто-то маленький и незаметный — вот как ты, или как Алиса, или как я — сделает что-то, чего они не ждали. И всё. Система рухнет. Потому что система, которая держится на страхе, не уме-

ет держать ошибки. У неё нет запаса прочности. У неё есть только ритуал. А ритуал ломается от свечки.

Матвей помолчал.

— Как в «Властелине колец»?

— Как в «Властелине колец». — Отец кивнул. — Хоббит не сильнее Саурона. Он просто оказался там, где надо, и сделал маленькую глупость, которая оказалась самой важной. Понимаешь? Не надо быть сильнее. Надо быть в нужном месте и не испугаться сделать маленькую ошибку.

Игорь Львович смотрел на него поверх очков. Взгляд у него был странный — не враждебный, а как будто он узнавал что-то.

— Интересная философия, — сказал он. — А вы сами в неё верите?

— Верю, — сказал Константин Игоревич. — Я юрист. Я каждый день вижу, как большие компании проигрывают из-за запятой не в том месте.

Вера Николаевна засмеялась. Смех был вежливый, но чуть слишком громкий.

Алиса смотрела на свечу перед собой. Константин Игоревич проследил за её взглядом. Свеча стояла в старом подсвечнике с гербом — птица, ключ в лапах. Пламя было ровное, но воск уже потек — тонкой струйкой, вниз, к краю. Ещё секунда — и капля упадёт на скатерть. Алиса не отводила глаз. Казалось, она ждёт, когда капля упадёт.

— А если ошибка уже случилась? — спросила она тихо.

— Если они уже всё решили? Что тогда?

Отец посмотрел на неё. Странно. Как будто впервые за ужином увидел.

— Тогда, — сказал он, — надо уронить ещё одну свечку.

После ужина Вера Николаевна предложила экскурсию.

— Небольшую, — сказала она. — Только по второму этажу. Чтобы вы знали, где что. У нас тут легко заблудиться.

Они пошли по коридору — все вместе, включая Матвея, который шёл с видом человека, которого ведут на скучное собрание. Вера Николаевна открывала двери и говорила: «Здесь библиотека», «Здесь кабинет», «Здесь парадная гостиная». Показывала мебель, обои, лепнину.

А потом они дошли до малой гостиной.

Дверь была приоткрыта. Внутри горел свет — неяркий, от одной лампы в углу.

— А вот здесь, — сказала Вера Николаевна, — наша жемчужина.

Картина висела на дальней стене — огромная, в тяжёлой раме. Девочка в красном платье стояла посередине приёма, как стояла всегда.

Алиса подошла первой.

Она стояла и смотрела, задрав голову. Девочка на картине была маленькая, лет девяти, с косичками и пухлыми щеками. Лицо у неё было вежливое — такое, каким дети улыбаются на фотографиях, когда их просят «ну улыбнись же».

— Какая красивая, — сказала Екатерина Андреевна.

— Это Варвара, — сказал Игорь Львович. Он стоял у двери, сложив руки. — Дочь садовника. Утонула в пруду в тринадцатом году. Граф заказал портрет уже после. Говорят, художник писал её по памяти.

— Какой ужас, — сказала мать.

— Да, — согласился Игорь Львович. — Ужас.

Алиса обернулась.

— А почему она в красном? — спросила она. — Она же не на празднике. Она стоит посередине, а все вокруг в белом.

Игорь Львович посмотрел на неё. Долго.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Мы думаем, что красное платье — это… — он подыскивал слово, — … метка. Так помечали тех, кого хотели запомнить.

— Запомнить или сохранить? — спросил Константин Игоревич.

Игорь Львович вздрогнул — чуть-чуть, одним плечом, — и отвернулся.

— Пойдёмте, — сказала Вера Николаевна слишком бодро. — Я покажу вам конференц-зал.

Но когда все уже выходили, Игорь Львович задержался у двери. И сказал — тихо, как будто не Константину Игоревичу, а самому себе:

— Местные говорили, что под усадьбой не просто камень. Узел. А узлы, если верить старым записям, вяжут к одному центру. Только центр этот… — он замолчал. — В общем, не надо об этом.

И вышел.

Ночью, когда все разошлись по комнатам, Константин Игоревич сидел на кровати и читал договор.

Он читал его во второй раз. Первый — на ресепшене, по диагонали. Сейчас он читал медленно, с карандашом.

Екатерина Андреевна сидела рядом и смотрела в телефон.

— Кость.

— М.

— Ты помнишь, что я тебе говорила? Что мне на работе сказали, что это удача?

— Помню.

— Я не помню, кто именно сказал. — Она подняла на него глаза. — Я пытаюсь вспомнить — и не могу. Кто-то из управляющей компании. На совещании. Я даже лицо не помню.

Константин Игоревич отложил договор.

— Это интересно.

— Это страшно.

— Это интересно, — повторил он. — В самом конце есть реквизиты фонда. Адрес московский, а телефон — с питерским кодом. Обычно наоборот.

— И что?

— Я уже звонил по нему перед ужином. Длинные гудки, а потом — автоответчик. Голос Веры Николаевны, бодрый, записанный: «Вы позвонили в фонд «Красные Ключи». Мы вам перезвоним». Я не стал оставлять сообщение.

— Может, рабочий день кончился.

— Может. — Он постучал карандашом по странице. — Позвоню ещё раз утром. Мне не нравится пункт про «индивидуальные особенности восприятия». Юрист, который не может дозвониться контрагенту, — это уже не юрист, а персонаж анекдота.

В коридоре скрипнула половица.

Они оба замерли.

Потом Константин Игоревич встал, подошёл к двери и открыл её.

Коридор был пуст. Свет горел только в конце, у лестницы. И в этом свете, на стене, висел портрет графа Аркадия Львовича Соколова — тот самый, с живыми глазами.

Константин Игоревич посмотрел на него.

Граф смотрел в ответ.

— Костя, — тихо сказала жена из комнаты. — Закрой дверь.

Он закрыл.

Екатерина Андреевна лежала рядом с телефоном.

— А я тебе говорила. Люди просто восстанавливают усадьбу. Меценаты.

— Ага. — Он выключил лампу. — Завтра позвоню фонду. И посмотрим спектакль, раз уж приехали.

Телефон на тумбочке мигнул. СМС:

«МЧС России. Внимание! Ночью и утром ожидается усиление ветра до 20 м/с, метель, на дорогах гололедица. Возможны перекрытия автодорог. Воздержитесь от поездок на

личном транспорте».

— Слышал? — сказал Константин Игоревич. — Метель. До утра никуда не поедем.

— Ну и ладно, — пробормотала жена.

— Может.

Она уже почти спала, когда он сказал:

— Кать.

— М?

— Ты помнишь, как мы сюда ехали?

— Конечно.

— А как мы повернули? На каком повороте?

Она задумалась.

— Там был указатель, — сказала она. — «Красные Ключи». Мы свернули.

— А до указателя? Мы ехали по навигатору?

— Да. Навигатор вёл.

— А потом он замолчал. Я помню. Я ещё подумал, что связь пропала.

— Ну и что? — Она повернулась к нему. — Костя, это лес. Тут везде связь пропадает. Спи.

Он помолчал.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Глава третья. Малая гостиная

Ночью усадьба была честнее.

Днём она притворялась музеем: таблички, бархатные канаты, лампы с тёплым светом. Ночью она становилась тем, чем была всегда, — старым домом, который многое помнит и не собирается об этом молчать. Паркет скрипел под ногами, где бы ты ни шёл. Стены пахли воском и чем-то ещё, сырым и сладковатым, как подвал.

Алиса не спала.

Она лежала в кровати с балдахином и смотрела в потолок. Матвей сопел в соседней комнате — ему выделили отдельную, «как взрослому», и он этим страшно гордился. Родители устроились в конце коридора. Алисе досталась комната рядом с малой гостиной.

Ей сказали, что это «лучшая детская». Что здесь раньше жила дочка управляющего. Что здесь тихо и никто не помешает.

Ей не сказали, что дверь в малую гостиную — в двух шагах. И что она не заперта.

Девочка в красном стояла у её кровати.

Алиса поняла это не сразу. Сначала ей показалось, что в комнате просто слишком много тени — в углу, у окна, там, где ночник не достаёт. Тень была неправильной. Она была маленькой. И у неё были плечи.

Потом тень сделала шаг.

Алиса не закричала. Потом, вспоминая это, она удивлялась — почему не закричала. Наверное, потому, что кричать в темноте — это признать, что тебе страшно. А ей не было страшно. Ей было любопытно.

— Ты кто? — прошептала Алиса.

Девочка стояла и смотрела. Лицо у неё было нормальное. Обычное лицо, лет девяти, с пухлыми щеками и двумя косичками. Только бледное, как бумага, и глаза чуть слишком большие.

— Я здесь живу, — сказала девочка. Голос был тихий, но не шёпот. Как будто она говорила нормально, просто издалека. — А ты?

— Я Алиса. Мы приехали. На выходные.

— На выходные, — повторила девочка. И улыбнулась.

Улыбка была вежливая. Такая, какой улыбаются гостям, которых не ждали, но нужно быть приличными.

— А тебя как зовут? — спросила Алиса.

Девочка помолчала.

— Полина, — сказала она наконец.

— Красивое имя. У меня бабушку зовут Полина.

— У всех бабушек зовут Полина, — сказала девочка без всякого выражения. — Это самое старое имя. Оно было ещё до всех.

Алиса села в кровати. Одеяло сползло, стало холодно, но она не стала натягивать его обратно.

— Ты тут давно? — спросила она.

— Давно.

— А почему ты в красном? Уже ночь. Ты не переодеваешься?

— Мне нельзя переодеваться. — Девочка сказала это так, как говорят «мне нельзя шоколад, у меня аллергия». — Если я переоденусь, меня не узнают на картинке.

Алиса не сразу поняла.

— На какой картинке?

Девочка подняла руку и показала в сторону двери. В сторону малой гостиной.

— Пойдём, — сказала она. — Я покажу.

Алиса потом не могла вспомнить, как решилась.

Помнила только, что шла босиком по холодному паркету, и девочка шла впереди, и красное платье в темноте казалось чёрным. Помнила, как открылась дверь — сама, без скрипа, — и как они вошли в малую гостиную.

В коридоре, у лестницы, стоял бюст.

Алиса не обратила на него внимания, когда шла за Полиной. Но на обратном пути — обернулась.

Мраморный. Белёсый. Мужчина в сюртуке, с высоким лбом, с породистым носом. Сморщенный, но с правильными чертами. Красивый — как памятник самому себе.

Алиса остановилась.

Она смотрела на бюст и чувствовала, как в груди что-то сжимается. Не страх. Что-то другое. Как будто ей хотелось

подойти и толкнуть. Чтобы он упал. Чтобы раскололся. Чтобы от него отвалился кусок и стало видно, что внутри.

Она не знала, почему ей этого хочется. Просто хотелось.

— Это граф, — сказала Полина у неё за спиной.

Алиса обернулась.

— Какой граф?

— Наш. — Полина смотрела на бюст без всякого выражения. — Он тут всегда стоит. Он смотрит.

— На что?

— На всех.

Алиса посмотрела на бюст ещё раз.

Белёсое лицо. Белые глаза без зрачков. И ощущение, что он действительно смотрит.

— Пойдём, — сказала Полина. — Я покажу картинку.

Картина висела на дальней стене малой гостиной.

Картина висела там же, на дальней стене. Дамы и господа на ней застыли, как и прежде. И посередине — девочка в красном платье. Маленькая, с косичками.

Алиса подошла ближе.

И увидела, что у девочки на картине то же лицо, что у девочки рядом с ней.

— Это ты, — сказала Алиса.

— Это я, — согласилась Полина. — Меня написали. Чтобы я всегда была. Мне так сказали.

— Кто сказал?

— Граф. Он сказал, что я буду на картинке, и все меня

будут помнить. И ещё он сказал, что я не буду бояться. — Она помолчала. — И я не боюсь. Совсем.

Алиса смотрела на картину и чувствовала, как что-то в животе становится тяжёлым и холодным.

— А почему ты не уходишь? — спросила она. — Ты же можешь ходить. Значит, можешь уйти.

Девочка повернула голову.

— А куда? — спросила она. — У меня там нет картинки.

Она сказала это просто. Без жалости к себе, без страха. Как будто объясняла урок.

— Полина, — сказала Алиса. — А что будет, если картинка поменяется?

Девочка посмотрела на неё очень внимательно.

— Тогда я буду свободна, — сказала она. — Но картинка меняется только тогда, когда в ней появляется кто-то новый. Так было всегда. Так мне сказал граф.

— А он не сказал, кто будет новым?

Полина ничего не ответила. Она смотрела на картину, и её лицо на картине смотрело тоже — прямо на Алису, с той же вежливой улыбкой.

И в этот момент дверь за спиной открылась.

— Алиса?

Екатерина Андреевна стояла в дверях. В халате, с телефоном в руке — фонарик включён, луч бьёт в пол.

— Что ты тут делаешь? Ты почему не в кровати?

Алиса обернулась.

Девочки не было.

В комнате стояла только она, Алиса, босиком, перед картиной.

— Мам, — сказала Алиса. — Тут девочка. Она в красном. Её зовут Полина. Она живёт на картине.

Екатерина Андреевна подошла. Она не стала смотреть по сторонам и не стала говорить «тебе показалось». Она подошла и встала рядом с дочерью. И посмотрела на картину.

С минуту они стояли молча.

— Алиса, — сказала она наконец. — Скажи мне точно. Девочка тебе что-то сказала? Или ты сама поняла?

Алиса задумалась.

— Она сказала, что картинка меняется, когда появляется кто-то новый, — сказала она. — И что она будет свободна. И что граф сказал, что она не будет бояться.

Екатерина Андреевна медленно выдохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо. Пойдём спать.

— Мам, ты мне веришь?

— Я тебе верю. — Она взяла дочь за руку. — Но сейчас ночь, и мы все устали. Пойдём.

Она отвела Алису в комнату, уложила, поправила одеяло.

— Мам, — сказала Алиса, когда она уже стояла в дверях. — А если она настоящая?

Екатерина Андреевна помолчала.

— Тогда мы завтра спросим у Веры Николаевны, — сказала она. — Может, это какая-то игра. Музейная. Для детей.

— Ага, — сказала Алиса. — Наверное, игра.

Она закрыла глаза.

Екатерина Андреевна постояла ещё секунду, потом вышла и тихо прикрыла дверь.

Она не стала говорить дочери, что тоже видела картину. Что на картине девочка в красном платье была очень похожа на Алису. Что она стояла и смотрела на неё, и улыбалась, и в этой улыбке было что-то, от чего у Екатерины Андреевны похолодело внутри.

Она списала это на усталость. На старый дом. На впечатления.

Она была скептиком. Она всегда была скептиком.

Утром за завтраком Алиса сказала:

— Мам, а ты помнишь, ты говорила, что в юности увлекалась натальными картами?

Екатерина Андреевна засмеялась.

— Это было в институте. Мы с девочками баловались. Считали, кто когда выйдет замуж.

— А ты можешь посчитать?

— Что посчитать?

— Ну, карту. На меня.

— Зачем тебе?

— Просто интересно.

— Дома посмотрю. Если хочешь — дома.

— Ладно. — Алиса взяла ещё один блинчик. — Дома.

Она не стала говорить про карты. И про то, что вчера но-

чью видела на столе в малой гостиной старую папку с какими-то листами. И что на одном листе было её имя.

Она была ребёнком. Она ещё не знала, что это важно.

Глава четвёртая. Смотритель

Матвей лежал на кровати и смотрел в телефон.

Уже минут двадцать.

Сначала он просто листал — ну, пытался листать. Потом пытался зайти в игру. Потом пытался зайти хотя бы в мессенджер, чтобы написать пацанам из секции, что он тут сдохнуть можно от скуки. Потом просто смотрел на экран, как на врага.

Сети не было.

Точнее, она была — одна палка, — но этого не хватало ни на что. Сообщения не отправлялись. Игра висела на заставке и выбрасывала ошибку. Даже ютуб не грузился, а уж ютуб-то грузится всегда, даже когда кажется, что вообще всё умерло.

Матвей швырнул телефон на одеяло.

— Ну и бред, — сказал он вслух.

Он полежал ещё минуту. Потом сел. Потом встал. Потом опять сел.

В комнате было тихо. За окном — темно. Внизу — ни звука. Как будто весь дом вымер.

Матвей подошёл к окну. Посмотрел на улицу. Ничего. Чёрное стекло, в нём — отражение лампы и его собственное лицо, бледное и злое.

Он вернулся на кровать. Взял телефон. Одна палка.

— Да что за…

Он открыл настройки. Сети были — куча сетей. Все с замками. Все чужие. Одна, без названия, с тремя палками — но она появлялась и исчезала, как будто дразнила.

Матвей встал.

Он пойдёт к матери. У неё тоже интернет слабый, она утром жаловалась. Может, она знает пароль. Может, Вера Николаевна ей говорила. Может, в холле есть табличка.

Он вышел в коридор.

В коридоре было тихо и темно. Только у лестницы горел ночник.

Матвей пошёл к комнате родителей. Постучал.

Никто не ответил.

Он приоткрыл дверь. Внутри было темно. Кровать пустая — не разобрана, покрывало ровное. Мать и отец, видимо, ещё внизу.

Матвей постоял в дверях.

Потом достал телефон.

Одна палка. Потом две. Потом опять одна.

Он пошёл по коридору, держа телефон перед собой, как миноискатель. Две палки. Три. Одна. Две.

Сигнал был где-то здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.